

RU

Радикальный исламизм в Таджикистане во время гражданской войны 1992-1997 гг.

Гусев В. М.

Аннотация. Цель исследования – выявить роль радикального исламизма в Таджикистане в период гражданской войны 1992-1997 гг. В статье выделяются ключевые критерии радикального исламизма в Центральной Азии, определяется, какие из группировок, участвующих в таджикостанском конфликте, можно отнести к радикально исламистским, а также анализируется влияние этой экстремистской идеологии на ход и результаты войны 1992-1997 гг. Научная новизна работы заключается в систематизации научных представлений о сущности радикального исламизма в Таджикистане в новейшей истории и, в частности, в гражданской войне 1992-1997 гг. В результате определено, что в период гражданской войны в Афганистане оппозиция была вынуждена объединить крайне различные фракции для борьбы с центральной властью: от демократических до исламистских. Постепенно по мере развития конфликта произошло размежевание исламистов: радикальные преимущественно сосредоточились вокруг ряда лидеров боевиков (братья Содировы, Мулло Абдулло Рахимова и др.), а умеренные смягчили свою позицию и сосредоточились вокруг Партии исламского возрождения Таджикистана (организация признана в России террористической и запрещена). Влияние радикального исламизма на гражданскую войну заключается в ожесточении и затягивании конфликта.

EN

Radical Islamism in Tajikistan during the civil war of 1992-1997

V. M. Gusev

Abstract. The purpose of this research is to identify the role of radical Islamism in Tajikistan during the civil war of 1992-1997. The article highlights key criteria of radical Islamism in Central Asia, determines which of the groups participating in the Tajik conflict can be classified as radically Islamist, and analyzes the impact of this extremist ideology on the course and outcome of the 1992-1997 war. The scientific novelty of the work lies in the systematization of scientific ideas about the essence of radical Islamism in Tajikistan in modern history and, in particular, in the civil war of 1992-1997. As a result, it was determined that during the civil war in Afghanistan, the opposition was forced to unite extremely different factions to fight against the central government: from democratic to Islamist. Gradually, as the conflict developed, a division of Islamists occurred: radical elements mainly concentrated around a number of militant leaders (the Sodirov brothers, Mullo Abdullo Rakhimov, etc.), while moderates softened their position and concentrated around the Islamic Renaissance Party of Tajikistan (the organization is recognized as terrorist and banned in Russia). The influence of radical Islamism on the civil war lies in the increased brutality and prolongation of the conflict.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что радикальный исламизм продолжает представлять серьезную угрозу для стабильности в Центральной Азии. События в Афганистане после вывода американских войск в 2021 г. и возвращения к власти движения «Талибан»* создали новые риски распространения экстремистских идеологий в этом регионе. Особую значимость приобретает анализ исторического опыта противодействия радикальному исламизму со стороны центральноазиатских республик.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить сущность радикального исламизма и его проявления в Таджикистане в период гражданской войны 1992-1997 гг.;
- выявить радикально-исламистские группировки, участвовавшие в конфликте;
- оценить влияние на ход и результаты конфликта этих группировок и самой радикально исламистской идеологии.

Основными методами при написании работы стали сбор, анализ и критика источников и литературы по теме исследования; метод кейс-стади (разбор кейсов). Сбор достаточной источниковой и теоретической базы позволил систематизировать имеющиеся представления об исламизме, его сущности. Анализ источников и литературы дал возможность выявить показательные события, связанные с радикальным исламизмом в Таджикистане. Важна также была критика источников, поскольку тезисы одного из них не всегда совпадали с тезисами из другого. Наконец, разбор кейсов позволил выявить влияние исламизма на Таджикистан, раскрыть его различные проявления.

Источниковая база (материалы) исследования представлена несколькими группами источников. К первой группе источников относятся нормативно-правовые акты и документы как национального, так и международного уровня. Например, доклады ООН (Доклад генерального секретаря..., 1997) и письма Постоянного представителя Таджикистана при ООН на имя генерального секретаря (Письмо Постоянного представителя..., 1993; 1997) позволили лучше рассмотреть конкретные события, происходившие в период Гражданской войны в Таджикистане, подсветить наличие радикальных исламистов в Центральной Азии, жестокие и противоправные действия с их стороны. Решение суда о признании Партии исламского возрождения Таджикистана* экстремистской организацией важно для понимания эволюции организации (Решение Верховного Суда..., 2017).

Ко второй группе источников относятся материалы СМИ, раскрывающие различные аспекты рассматриваемой темы: действия радикальных исламистов в Таджикистане даже после окончания гражданской войны (Рахмон Сангинов и его группировка..., 2005), реакция мирового сообщества на запрет ПИВТ* (ООН раскритиковала Таджикистан..., 2015).

Наконец, использовались иные аналитические и статистические материалы: платформы политических партий на выборах (Annex to Final Project..., 2002), выкладки американских экспертов относительно взаимосвязи экстремистов Афганистана и Таджикистана (Are the Afghan Taliban..., 2009).

Теоретическую базу составляют работы, посвященные анализу гражданской войны 1992-1997 гг. в Таджикистане и проблемам религиозного экстремизма в этой стране (Андреев, 2017; Хадыров, 2023), а также труды, анализирующие сам феномен исламизма (Драгун, 2022; Гринин, 2019; Семедов, 2009).

Практическая значимость исследования обуславливается тем, что анализ механизмов перехода религиозной оппозиции в радикальные вооруженные группировки дает практические ориентиры для органов государственной безопасности, пограничных служб и международных организаций по раннему обнаружению рисков и нейтрализации каналов вербовки новых участников и финансирования экстремистских организаций.

Обсуждение и результаты

Сущность радикального исламизма и его проявления в Таджикистане в период гражданской войны 1992-1997 гг.

Подходы к определению исламизма и радикального исламизма разнятся. По мнению Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева (2019, с. 49), исламизм – это социально-политическое движение и идеология, основанная на принципах ислама. Его целью является построение государства и общества на нормах шариата. Д. В. Драгун (2022, с. 93) дает более лаконичное определение: исламизм – это «политический ислам», стремящийся к реисламизации мусульманского населения.

Одной из ключевых особенностей радикального исламизма является также неприятие секулярного (светского) устройства общества и государства. Исламисты рассматривают разделение религии и политики как отступление от «истинного ислама» и выступают за создание теократического государства, в котором все или многие сферы жизни регулируются религиозными нормами (Гринин, Коротаев, 2019, с. 38). Причем многие радикальные исламисты оказываются противниками национальных государств, так как являются панисламистами, то есть на первом месте для них стоят интересы мусульманской общины, а не государства (Семедов, 2009, с. 82). Важный тезис заключается в том, что исламизм стремится выстроить по нормам шариата не только внутривнутриполитическую жизнь, но и внешнеполитические отношения. В исламе радикальным исламистам видится спасение как от национализма, так и от глобализации (Драгун, 2022, с. 94).

И. П. Добаев (2023, с. 129) говорит о тесной связи исламизма с фундаментализмом. Один из связующих тезисов заключается в убежденности сторонников исламизма и фундаментализма в том, что на ислам негативно влияли западные государства, их ценности. В результате религия отошла от традиционных ценностей «золотого века». Потому, по мнению фундаменталистов, следует вернуться к историческим корням.

Е. Ф. Парубочая (2017, с. 151) также во многом связывает исламский радикализм с фундаментализмом/салафизмом. Салафиты настаивают на буквальном толковании священных текстов вне их исторического и культурного контекста, что свойственно и радикальным исламистам.

Радикальный исламизм понимается исследователями по-разному, и представления о радикальном исламизме часто противоречат друг другу, а часть из них и вовсе является ошибочной. Например, нередко исламизм приравнивается к радикальному исламу, исламскому радикализму: в статьях И. П. Добаева (2023, с. 130), Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева (2019, с. 40-41). Это представляется спорным тезисом, поскольку существуют и умеренные исламисты, не использующие насилие в качестве основного метода продвижения своих взглядов.

Логично выделить минимум два направления/течения в рамках исламизма: умеренное и радикальное. Цели у обоих течений совпадают: построение государства, основанного на нормах шариата. Но методы

и формы для достижения этой цели отличаются. Умеренные исламисты готовы использовать демократические и иные законодательно разрешенные процедуры, продвигать свою идею в массы («даава») (Добаев, 2023, с. 132). По мнению радикальных исламистов, таким образом добиться цели невозможно: этому будут сопротивляться внутри конкретного государства (сопротивление со стороны политических институтов и силовых структур), а также в международном сообществе. Как отмечалось выше, радикальные исламисты считают, что именно западное влияние привело к окончанию «золотого века», западные страны до сих рассматриваются как «внешние враги» (Добаев, 2023, с. 133). На это указывается не только у И. П. Добаева, но и у Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева (2019, с. 12). Зачастую эти два течения сочетаются в рамках конкретных организаций исламистов: часть структур ведет мирную пропаганду, другая часть готова к насильственному достижению цели.

Как представляется, вне зависимости от направления/течения исламизма, наибольшие шансы на распространение он получает в период кризисов. Как отмечается в статье Д. В. Драгун (2022, с. 93), в условиях деградации левых идеологий ислам начинает выполнять функцию радикальной антисистемной доктрины, выражающей протест против капиталистической системы.

Нонконформизм по отношению к действующему миропорядку и желание перестроить свою страну (и мир) на основе исламистской идеологии – ключевой признак радикального исламизма. Как показывает практика, радикально-исламистские группировки осуществляют свои попытки прийти к власти в ходе революций, переворотов и гражданских войн, которые, в свою очередь, являются следствиями острых социально-политических и экономических кризисов, как, например, в Иране и Таджикистане.

Одной из наиболее важных характерных черт радикального исламизма выступает оправдание насилия «для коренного преобразования политической системы» (Драгун, 2022, с. 93). С религиозной точки зрения насилие оправдывается тем, что мусульмане постоянно находятся в состоянии священной войны (джихада) против абсолютного зла и пока весь мир не станет мусульманским эта война не закончится (Семедов, 2009, с. 85). Именно поэтому террористы считаются для радикальных исламистов героями.

Помимо перечисленных признаков радикального исламизма в целом, как представляется, важно также обратить внимание на то, что проникновение влияния радикальных сил и идей исламистского толка из-за рубежа, которое являлось крайне острой проблемой в Центральной Азии в 90-е годы XX века, особенно отчетливо прослеживалось в Таджикистане. Боевики из Афганистана приняли непосредственное участие в Гражданской войне на стороне радикалов (Голод, мародерство и массовые казни..., 2023). Проникновение на территорию страны облегчала не только территориальная близость, но также и культурная общность.

Таким образом, анализируя силы, участвовавшие в гражданской войне в Таджикистане, на предмет использования радикально-исламистской идеологии, в первую очередь следует обращать внимание на такие факторы, как неприятие секулярного государства, желание в корне изменить существующий общественно-политический строй на исламский лад, фундаментализм (салафизм), а также оправдание насильственных и террористических методов продвижения идеологии. Кроме того, необходимо проследить, какие из группировок получали прямую или косвенную помощь от радикальных исламистов за рубежом.

Радикально-исламистские группировки, участвовавшие в гражданской войне в Таджикистане

Гражданская война в Таджикистане (1992-1997 гг.) была сложным конфликтом, в котором переплетались региональные, клановые, политические и религиозные противоречия. Для определения того, какие группировки можно отнести к радикально исламистским, необходимо проанализировать их идеологию, цели, методы и связи с международными экстремистскими организациями.

Ключевой оппозиционной силой в конфликте была Объединенная таджикская оппозиция (ОТО), в которую входили различные группировки, включая Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)*, демократические и националистические организации. Само существование такой коалиции уже наталкивает на мысль о том, что ПИВТ*, скорее, не является крайне радикальной организацией.

ПИВТ* стала официальной партией 4 декабря 1991 г., за 4 дня до прекращения существования СССР (Андреев, 2017, с. 101). Вопрос о том, можно ли считать ПИВТ* радикально исламистской группировкой, является дискуссионным. С одной стороны, партия поддерживала идею создания исламского государства и введения элементов шариата, что соответствует признакам исламизма. С другой стороны, официально руководство ПИВТ* выступало за усиление роли ислама в обществе и государстве, но признавало принципы демократии и многопартийности (Кабири: ...некоторые круги..., 2014).

Руководство партии, особенно после начала мирных переговоров, демонстрировало готовность к компромиссам, светскому пути развития. После подписания мирного соглашения в 1997 г. ПИВТ* интегрировалась в политическую систему Таджикистана, регулярно использовала демократические процедуры для развития, действовала как легальная политическая партия (Кабири: ...некоторые круги..., 2014).

Подтверждением того, что в 1997-2000-х гг. ПИВТ* отказалась от идей радикального исламизма, служит официальной платформой партии. В ней все еще прослеживается ряд тезисов, характерных для исламизма. Так, в Уставе партии было прописано, что «Партия исламского возрождения Таджикистана*, являясь общественно-политической организацией мусульман Республики Таджикистан, основывается на принципах Ислама: вере в единого бога и его посланника пророка Мухаммада» (Annex to Final Project..., 2002). В документах партии содержится еще больше «традиционных» демократических тезисов о построении свободного, демократического, правового и социального государства; о рыночных реформах; необходимости гласности, свободы, верховенства закона и т. д. (Annex to Final Project..., 2002).

Однако в итоге партия была признана экстремистско-террористической организацией по решению Верховного Суда Таджикистана только 29 сентября 2015 г. (Решение Верховного Суда..., 2017). Ключевые причины: разжигание (в последние годы) недовольства, вражды и неприязни среди местного населения; призывы к изменению конституционного строя насильственным путем; разжигание религиозной вражды и ненависти; дестабилизация политической обстановки в стране (Решение Верховного Суда..., 2017).

При этом в официальном решении суда указывается на то, что подобные нарушения и многочисленные уголовные дела против членов партии были заведены только «в последние годы», т. е. в 2010-е гг., а не в 1990-е или 2000-е гг. (Решение Верховного Суда..., 2017). Означает ли это, что в период Гражданской войны партия не была радикально-исламистской?

Для ответа на вопрос следует обратить внимание на многолетнего лидера партии и одного из ее основателей – Саида Абдулло Нури. Его можно отнести к салафитам, то есть сторонникам так называемого «чистого ислама», распространением которого он занимался. Так, в 1973 г. он был арестован за незаконную пропаганду ислама, а в 1974 г. создал организацию «Движение исламского возрождения Таджикистана» (ДИВТ). Это движение в 1970-1980-е гг. преследовало две основные цели: пропаганда идей «чистого ислама» и воспитание таджикских мусульман в религиозном духе в противовес официальной атеистической коммунистической идеологии (Муртазин, 2018, с. 115).

Взгляды Нури были близки к взглядам некоторых идеологов радикального террористического движения «Братья-мусульмане»* (Муртазин, 2018, с. 115). Вскоре после начала гражданской войны в Таджикистане он иммигрировал в Иран, откуда вел деятельность во главе Объединенной Таджикской оппозиции. Кроме того, Саид Абдулло Нури был сторонником проведения в Таджикистане революции наподобие иранской 1978-1979 г. с целью создания исламского государства, причем эти взгляды были проспонсированы морально и материально самим Ираном, а также радикальными исламистами-таджиками из Афганистана (Муртазин, 2018, с. 123).

Соратник Саида Абдулло Нури по партии – Ходжи Акбар Тураджонзода, который называл Нури своим учителем. Их взгляды были весьма похожи, отличаясь лишь в том, каким они видели потенциальное исламское государство. Тураджонзода был сторонником концепции, предложенной идеологами террористической организации «Братья мусульмане»*. Она заключалась в построении исламского государства на основе шариата через постепенную исламизацию общества (тадридж – постепенность). Община верующих должна была стать основой легитимности нового государства, отказавшегося от светской модели развития (Муртазин, 2018, с. 123-124).

В этой связи проблематично относить ПИВТ* исключительно к демократическим и светским движениям, поскольку её лидеры были явными исламистами. Как полагает М. Ф. Муртазин, ПИВТ* – это организация с крайне большим влиянием радикально-исламистской идеологии. Заявления лидеров ПИВТ*, а также устав партии в начале официальной деятельности (Муртазин, 2018, с. 121) – лишь прикрытие политических амбиций, направленных на создание исламистского государства на принципах фундаментализма. Последующий запрет партии в 2015 г. во многом подкрепляет этот тезис.

Еще более радикальными были некоторые полевые командиры и их отряды, действовавшие в составе ОТО (Объединенной таджикской оппозиции), но не всегда подчинявшиеся центральному руководству. Отряды Мулло Абдулло, Ризвона Содирова, Мансура Муакалова и некоторых других командиров можно с уверенностью отнести к радикально-исламистским. Так, в докладе ООН о положении в Таджикистане сообщалось, что 3 февраля 1998 г. пять представителей гуманитарной миссии организации были взяты в заложники Бахромом Содировым, который выдвинул требование о возвращении в страну его брата Ризвона Содирова с отрядом боевиков. В результате последний был возвращен в страну, но заложники не были отпущены по причине того, что боевики Ризвона Содирова не вернулись в Таджикистан (Доклад генерального секретаря..., 1997).

В этом же докладе есть указания на то, что Содировы и ранее брали мирных иностранных граждан в плен. Помимо этого преступления отмечается, что часть заложников была расстреляна. В письме постоянного представителя Таджикистана на имя генерального секретаря ООН указывается, что в ходе антитеррористических операций (попытки освобождения заложников) боевики Содировы вступали в столкновения с правоохранительными силами (Письмо постоянного представителя..., 1997).

В другом источнике отмечается, что Содировы образовывали незаконные вооружённые формирования уже с 1992 г., казнили оппозиционных командиров и пр. На их связь с Афганистаном указывает тот факт, что Ризвона Содирова «спас от расправы» афганский военачальник Ахмат Шах Масуд, зачислив его и порядка 100 боевиков в состав афганской президентской гвардии (Таджикская оппозиция..., 1997).

Подтверждением того, что Содировы и другие командиры боевиков были сторонниками радикального исламизма, служат следующие факты:

- Ризвон Содиров в 1992 г. провозгласил на части восточной территории Таджикистана исламскую республику с центром в Гарме. Речь идет именно об «исламской республике», т. е. условно по примеру Ирана, где внутренняя жизнь выстроена в соответствии с нормами шариата;
- именно Гармский район и Горно-Бадахшанская автономная область стали опорным центром для исламистов в Таджикистане в годы Гражданской войны. Одна из ключевых причин: малая населенность при значительной площади и гористая местность (Are the Afghan Taliban..., 2009);
- американские эксперты, рассматривая сложности операции в Афганистане, характеризуют другого боевика, Мулло Абдулло Рахимова, (участника гражданской войны) как «ветерана таджикского джихада» (Are the Afghan Taliban..., 2009);

– именно радикальные исламистские силы не прекратили дестабилизировать обстановку в Таджикистане после 1997 г. Тот же Мулло Абдулло Рахимов вынуждено прекратил сопротивление лишь в 2000 г., когда большая часть его боевиков была разбита, а сам он с оставшимися бойцами отправился в Афганистан (Tajikistan..., 2011).

Как видно из этих источников, в Гражданскую войну активно вмешивались внешние силы: среди них были представители различных моджахедских группировок, а также арабские наемники, имевшие опыт боевых действий в Афганистане против советских войск. Еще один источник в подтверждение этого тезиса – письмо Постоянного представителя Таджикистана на имя Генерального секретаря ООН от 1993 г., в котором указан факт нападения моджахедов на кишлак Саригор в Таджикистане (Письмо Постоянного представителя..., 1993). Иностранцы группировки приносили в конфликт элементы джихадистской идеологии и способствовали радикализации части таджикской оппозиции. Наконец, в другом источнике отмечается, что таджикские боевики получали вооружение из Афганистана, а также проходили военную подготовку в Афганистане и Пакистане (Are the Afghan Taliban..., 2009).

Помимо афганских группировок во внутренние дела Таджикистана активно вмешивались боевики из Узбекистана. «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)*, основанное в 1996 г. узбекскими радикалами Тахиром Юлдашевым и Джумой Намангани и признанное террористической организацией во многих странах, включая Россию, также принимало активное участие в гражданской войне в Таджикистане, способствуя радикализации исламизма в таджикской оппозиции (Бабаджанов, 2010, с. 117). Кроме того, лидер ИДУ*, террорист Юлдашев, был весьма тесно связан с ПИВТ* (Бабаджанов, 2010, с. 106), что еще раз говорит о том, что эта партия имела непосредственное, а не косвенное отношение к радикальному исламизму. Важно отметить, что преступления ИДУ* на территории Таджикистана не закончились с гражданской войной: о них сообщалось и в 1999 г., и в 2000 г. (Рахмон Сангинов и его группировка..., 2005). Это указывает на затяжное влияние радикального исламизма на внутреннее положение в Таджикистане.

В целом можно заключить, что сама ОТО была достаточно неожиданной коалицией как либеральных сил, так и явно исламистских. Такой необычный союз связан с тем, что прежним советским силам противостояли все новые. В каких-то постсоветских странах было достаточно исключительно светских демократических партий, в других необходима была помощь более религиозных объединений. Общество требовало преобразований, но оппозиционных сил было мало, потому в 1992-1997 гг. оппозиционные силы включали в свой состав радикальных исламистов.

В дальнейшем менее радикальные исламисты отказались от союза с наиболее одиозными командирами боевиков. Яркий пример умеренного исламизма в 1997-2010 гг. – это ПИВТ*. Постепенно партия, если доверять официальным источникам Таджикистана (Решение Верховного Суда..., 2017), вновь радикализировалась.

При этом, безусловно, не каждый член ПИВТ* – радикал. В официальном решении суда, признавшим партию экстремистской, указывается лишь на десятки-сотни обвиняемых в экстремизме членов партии: «Создали в составе преступного сообщества более 20 преступных групп, численностью 15-30 человек каждая» (Решение Верховного Суда..., 2017). После решения были арестованы 13 членов Политсовета партии, а не 40 тысяч членов партии (ООН раскритиковала Таджикистан..., 2015).

И все же верхушка партии, по всей видимости, оказалась под влиянием исламского радикализма. Ключевое обвинение при закрытии партии – подготовка насильственного государственного переворота.

Влияние радикального исламизма на ход и результаты Гражданской войны

Поскольку идеологический религиозный подъем населения оказался характерен для большинства постсоветских республик в 1990-е гг. (Халльев, 2019, с. 1259), важно проследить влияние радикального исламизма на ход и результаты Гражданской войны в Таджикистане. Безусловно, исламистские объединения являлись одной из главных сил конфликта, однако требуется рассмотреть влияние не самих группировок, а именно радикальной идеологии.

На начальном этапе гражданской войны (1992-1993 гг.) религиозный фактор использовался оппозицией для консолидации поддержки среди населения, особенно в тех регионах, где влияние ислама традиционно было сильнее – в Гармской группе районов, Дарвазе, Каратегине, Горно-Бадахшанской автономной области. Оппозиция апеллировала к религиозным чувствам верующих, представляя конфликт как борьбу за возрождение исламских ценностей против «коммунистического атеизма». Это позволяло привлекать на свою сторону часть населения, для которого религиозная идентичность имела большое значение (Хадьров, 2023, с. 116), однако в то же время радикализация приводила к эскалации насилия и жестокости обеих сторон конфликта. Эскалация насилия усилвала разделение общества и затрудняла поиск мирного решения конфликта (Хадьров, 2023, с. 116).

Было бы упрощением рассматривать гражданскую войну в Таджикистане исключительно или даже преимущественно как конфликт на религиозной почве. Нельзя сказать, что гражданская война в Таджикистане была в полном смысле противостоянием светской власти и религиозных радикалов. Это была борьба кланов, объединенных не только местом происхождения, но и общими деловыми интересами. Религиозный фактор переплетался с региональными, клановыми, этническими и экономическими противоречиями, образуя сложную структуру конфликта. Однако важно также отметить, что при клановом характере конфликта религиозный фактор сыграл немаловажную роль в образовании клановых различий (Халдыев, 2019, с. 1262).

Радикализация части оппозиции, особенно под влиянием афганских моджахедов и Ирана, имела неоднозначные последствия для хода войны. С одной стороны, связи с международными исламистскими сетями позволяли оппозиции получать финансовую помощь, оружие и боевой опыт, что усиливало ее военный потенциал (Митрофанов, 2023, с. 155-156). С другой стороны, радикальный исламизм оказал значительное влияние на международное восприятие конфликта.

Как представляется, глобально радикальный исламизм повлиял на конфликт в Таджикистане в трех плоскостях: ожесточил конфликт, затянул его мирное разрешение, изменил отношение граждан к дальнейшей исламизации.

Что касается ожесточения конфликта, то международные наблюдатели (включая представителей ООН) фиксировали со стороны вооруженных формирований оппозиции (в т. ч. исламистского крыла) захваты заложников, расправы над пленными и нападения на гуманитарные миссии. Например, международная правозащитная организация Human Rights Watch (HRW) оценивает человеческие потери в 20-50 тыс. погибших, говоря также о 800 тыс. беженцев / вынужденных переселенцев (Tajik Refugees..., 1996).

Что касается затягивания конфликта, то переговоры о стабилизации обстановки велись задолго до 1997 г.: в 1994 в Тегеране они завершились соглашением о временном прекращении огня (Соглашение о временном прекращении...), в 1996 г. была достигнута договоренность о формировании Комиссии по нацпримирению и т. д. Однако перемирия многократно срывались именно наиболее ожесточенными исламистами. Захват заложников, расправы над ними и т. п. подрывали доверие к переговорному процессу.

Что касается отношения граждан Таджикистана к дальнейшей исламизации, то, по всей видимости, жесткие действия со стороны радикальных исламистов снизили влияние подобных идей. Так, на выборах 2010 г. ПИВТ* получила 7,74% голосов и 2 мандата из 63. Также были и сообщения от международных наблюдателей о серьезных нарушениях в процессе выборов, потому достоверно судить о том, сколько граждан страны поддерживают исламизацию достаточно проблематично (ОБСЕ заявляет..., 2010).

Наконец, события в Таджикистане привлекли внимание международного сообщества. Хотя обстановка в стране регулярно обсуждалась на уровне ООН, но, по всей видимости, именно Россия проявила наибольшую заинтересованность в стабилизации ситуации в регионе, в т. ч. с исключением радикальных исламистов из переговорного процесса.

Российское руководство воспринимало возможность прихода к власти в Таджикистане радикальных исламистов как серьезную угрозу региональной безопасности. Это стало одним из ключевых факторов, определивших решение России о военном вмешательстве в конфликт на стороне правительства Эмомали Рахмонова (Klimentov, 2023, р. 12). Для России угроза была наиболее очевидна из-за роста напряжения и вооруженного конфликта в Чечне (Klimentov, 2023, р. 1).

Как отмечалось выше, хотя ПИВТ* пошла на сотрудничество с политическими силами в стране, часть радикальных исламистов продолжила свою борьбу. О полной стабилизации в Таджикистане можно говорить только после 2000 г. Тогда удалось пресечь действия оставшихся бандформирований и установить контроль над границей, чтобы не допускать на территорию афганских моджахедов, боевиков ИДУ* и пр. Как представляется, во второй половине 1990-х гг. ПИВТ*, как группировке с довольно большим влиянием радикального исламизма, пришлось смягчить свою позицию для разрешения конфликта.

Заключение

Радикальный исламизм – это не просто религиозная риторика, а политическая программа с установкой на трансформацию государства по нормам шариата, отличающаяся от умеренного исламизма допустимостью применения насилия. Хотя умеренный исламизм делает ставку на легальные методы борьбы, нередко внутри одних и тех же организаций сосуществуют оба течения: и радикальный, и умеренный исламизм.

В годы гражданской войны в Таджикистане состав оппозиции оказался крайне неоднородным, включавшим демократические, националистические и исламистские силы. Показательная исламистская партия – ПИВТ*. За годы войны она окончательно оформилась как организация умеренного исламизма. На другом фланге оказался ряд полевых командиров: Ризвон и Бахром Содировы, Мулло Абдулло, Мансур Муакалов и др. Это показательные представители радикального исламизма, стремившиеся к исламизации общества и государства, применявшие насилие для достижения этой цели. Именно наличие полевых командиров усложняло разрешение конфликта. Дополнительным фактором радикализации стало участие иностранных боевиков из Афганистана и Узбекистана.

Вклад радикального исламизма в динамику войны проявился в трех ключевых плоскостях. Во-первых, он ожесточил конфликт: фиксировались похищения мирных граждан, расправы над пленными, атаки на гуманитарные миссии и пограничные заставы. Во-вторых, он затянул мирные переговоры: при том, что они велись с 1994 г., боевые действия со стороны радикальных исламистов подрывали доверие к переговорному процессу. Даже после подписания мирного соглашения в 1997 г. радикальные исламисты продолжили сопротивление, дестабилизируя обстановку в стране.

Общественные итоги свидетельствуют скорее об ограниченной поддержке радикального исламизма. В постконфликтный период ПИВТ*, имевшая в составе сторонников исламизма, содержащая в своих документах ряд исламистских тезисов, получала на выборах достаточно незначительный процент голосов.

Есть сомнения на счет достоверности результатов выборов, однако это выходит за рамки настоящего исследования. ПИВТ*, по всей видимости, продолжала аккумулировать вокруг себя всех исламистов, в т. ч. радикальных, на что указывает итоговый запрет партии в 2015 г.

Относительно периода 1992-1997 гг. ключевой вывод таков: радикальный исламизм был значимым и опасным фактором эскалации и продолжения войны. Однако в итоге он не стал для таджикостанского общества основной альтернативой ранее существовавшей советской системе.

Перспективы исследования заключаются в более глубоком исследовании потенциальной исламизации Таджикистана и других республик Центральной Азии. Хотя радикальный исламизм показал свою непривлекательность для основной массы населения в 1990-е гг., это не означает, что все идеи исламизма чужды местному населению. Возможно использование междисциплинарных методов для более подробного анализа особенностей исламизации региона, влияния радикального исламизма на политические процессы (например, через проведение социологических опросов, интервью и пр.).

Примечание: * – организация признана в России террористической и запрещена.

Материалы исследования | Research materials

1. Голод, мародерство и массовые казни. Как распад СССР привел к кровавой войне в Таджикистане. 2023. <https://lenta.ru/articles/2023/12/17/tajikistan>
2. Доклад генерального секретаря о положении в Таджикистане. S/1997/198. 5 March 1997. <https://docs.un.org/ru/S/1997/198>
3. Кабири: ...некоторые круги не хотят иметь сильную оппозицию в Таджикистане. 2014. <https://rus.ozodi.org/a/25429364.html>
4. ОБСЕ заявляет о серьезных нарушениях на выборах в Таджикистане. 2010. <https://www.dw.com/ru/обсуждает-о-серьезных-нарушениях-на-выборах-в-таджикистане/a-5308460>
5. ООН раскритиковала Таджикистан за запрет Партии исламского возрождения*. 2015. <https://www.interfax.ru/world/471144>
6. Письмо Постоянного представителя Таджикистана при Организации Объединенных Наций от 14 июля 1993 года, адресованное Генеральному секретарю. S/26091. 14 июля 1993 года. <https://digitallibrary.un.org/record/170195>
7. Письмо постоянного представителя Таджикистана при Организации Объединенных Наций от 30 ноября 1997 года на имя генерального секретаря. S/1997/940. 1 December 1997. https://digitallibrary.un.org/record/247470/files/S_1997_940-RU.pdf
8. Рахмон Сангинов и его группировка уже не угрожают безопасности в Таджикистане. 2005. <https://iwpr.net/ru/global-voices/rakhmon-sanginov-i-ego-gruppirovka-uzhe-ne-ugrozhayut-bezopasnosti-v-tadzhikistane>
9. Решение Верховного Суда Таджикистана об объявлении ПИВТ* экстремистско-террористической организацией. 2017. <https://khovar.tj/rus/2017/10/g115527/>
10. Соглашение о временном прекращении огня и других враждебных действий на таджикско-афганской границе и внутри страны на период переговоров. S/1994/1102. <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/tj940917tehranagreement28ru29.pdf>
11. Таджикская оппозиция не любит братьев Содировых. 1997. <https://www.kommersant.ru/doc/172341>
12. Annex to Final Project Report, Republic of Tajikistan, October 1, 1997 – September 30, 2002: Political Party Platforms, Majlisi Oli Elections, Tajikistan, February 27, 2000. 2002. <https://www.ifes.org/publications/annex-final-project-report-republic-tajikistan-october-1-1997-september-30-2002-3>
13. Are the Afghan Taliban Using Tajikistan's Islamist Militants to Pressure Dushanbe on NATO Supply Routes? 2009. <https://jamestown.org/program/are-the-afghan-taliban-using-tajikistans-islamist-militants-to-pressure-dushanbe-on-nato-supply-routes/>
14. Tajik Refugees in Northern Afghanistan: Obstacles to Repatriation. 1996. <https://www.hrw.org/report/1996/05/01/tajik-refugees-northern-afghanistan-obstacles-repatriation>
15. Tajikistan: The Changing Insurgent Threats. 2011. <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/tajikistan/205-tajikistan-changing-insurgent-threats>

Источники | References

1. Андреев А. А. Взлет и падение партии исламского возрождения* в Таджикистане // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2017. № 2. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.201>
2. Бабаджанов Б. «Исламское движение Узбекистана»: джихад как идеология «Изгоев» // Россия и мусульманский мир. 2010. № 3.
3. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Исламизм и его роль в современном исламском обществе. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019.
4. Добаев И. П. Ислам и исламизм: общее и особенное. Подходы к осмыслению термина «исламизм» // Россия и мусульманский мир. 2023. № 3 (329). <https://doi.org/10.31249/rimm/2023.03.10>

5. Драгун Д. В. Радикальный исламизм в дискурсе современного политического знания // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2022. № 2.
6. Митрофанов Н. М. Таджикистан: история, культура, гражданская война // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-10. <https://doi.org/10.18411/trnio-04-2023-552>
7. Муртазин М. Ф. Таджикистан: победа над исламизмом? // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-2-109-129>
8. Парубочая Е. Ф. Исламский фундаментализм в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. № 3. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.14>
9. Семедов С. А. Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // Социология власти. 2009. № 7.
10. Хадыров Р. Ю. Эволюция и деинституционализация политического ислама в Таджикистане // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.2.51983>
11. Халлыев М. М. Религиозный фактор в политических процессах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. № 5.
12. Klimentov V. A. The Tajik Civil War and Russia's Islamist moment // Central Asian survey. 2023. Vol. 42. № 2. <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2134298>

Информация об авторах | Author information

Гусев Владислав Михайлович¹

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет)

Vladislav Mikhailovich Gusev¹

¹ Moscow State Institute of International Relations (University)

¹ vladdislavgusev@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.09.2025; опубликовано online (published online): 13.10.2025.

Ключевые слова (keywords): радикальный исламизм; умеренный исламизм; гражданская война в Таджикистане; radical Islamism; moderate Islamism; civil war in Tajikistan.